

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

И. Е. СУРИКОВ

ОЧЕРКИ
ОБ ИСТОРИОПИСАНИИ
В КЛАССИЧЕСКОЙ
ГРЕЦИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
С 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 11-01-16112

Утверждено к печати Ученым советом Института всеобщей истории РАН

О т в е д а т е л ь: д-р ист. наук С. Г. Карток

Р е ц е н з е н т ы: д-р ист. наук, проф. А. В. Подосинов; канд. ист. наук Е. В. Ляпустина

Суриков И. Е.

С 90 Очерки об историописании в классической Греции. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 504 с. — (Studia historica).

ISBN 978-5-9551-0489-8

Монография представляет собой результат исследований в области древнегреческой историографии, проводившихся автором на протяжении ряда лет. Книга состоит из двух частей. В главах первой части анализируются общие особенности исторической памяти и исторического сознания в античной Греции. Освещаются следующие сюжеты: соотношение исследования и хроники в историографии, аспекты зарождения исторической мысли, место мифа в конструировании прошлого, циклистские и линейные представления об историческом процессе, взаимовлияние историописания и драматургии, локальные традиции историописания в античном греческом мире, элементы иррационального в произведениях классических греческих историков и др.

Вторая часть посвящена различным проблемам творчества «отца истории» Геродота. В ее главах рассматриваются следующие вопросы: место Геродота в эволюции исторической мысли, влияние эпоса и устных исторических традиций на его труд, образы времени в «Истории» Геродота, проблемы достоверности данных этого автора и его повествовательного мастерства, гендерная и этноцивилизационная проблематика у Геродота, вопрос о степени завершенности «Истории» автором, географические представления Геродота и др. В заключении ставится вопрос о том, принадлежал ли Геродот к архаической или классической традиции историописания, и предпринимается попытка аргументированного ответа.

Книга предназначена для специалистов — историков и филологов, для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, для всех интересующихся историей исторической науки.

ББК 63.3

*Для оформления переплета использован барельеф «Геродот»
Жана Гийома Муатта, 1806*

Игорь Евгеньевич Суриков
ОЧЕРКИ ОБ ИСТОРИОПИСАНИИ
В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Издатель А. Кошелев
Корректор Е. Сметанникова

Художественное оформление переплета С. Жигалкина
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 19.07.2011. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Times. Усл. печ. л. 31,5. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур». № госрегистрации 1037789030641.

Phone: 95-95-260. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-9551-0489-8

© И. Е. Суриков, 2011

© Языки славянских культур, 2011

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
------------------------------	---

Часть I. Общие особенности исторической памяти и исторического сознания в античной Греции

Глава 1. Мнемосина и амнезия: парадоксы исторической памяти в античной Греции	11
Глава 2. История в драме — драма в истории (некоторые аспекты исторического сознания в классической Греции)	42
Глава 3. «Превознести афинян перед афинянами»: локальные традиции историописания в классической Греции	77
Глава 4. Лунный лик Клио: элементы иррационального в концепциях первых античных историков	95
Глава 5. Историческая аргументация и политическая полемика в античной Греции (некоторые аспекты)	108

Часть II. Проблемы исторического творчества Геродота

Глава 1. Первосвященник Клио (о Геродоте и его труде)	129
Глава 2. «Несвоевременный» Геродот (эпический прозаик между логографами и Фукидидом)	149
Глава 3. ЛОГОГРАФОΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания)	161
Глава 4. Образы времени в историческом труде Геродота	179
Глава 5. Геродот и египетские жрецы (к вопросу об «отце истории» как «отце лжи»)	212
Глава 6. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (к вопросу о повествовательном мастерстве Геродота)	232

Глава 7. Архаический историк Геродот: гендерный аспект	247
Глава 8. Геродот и «похищение Европы» (первый грандиозный этноцивилизационный миф в истории Запада)	260
Глава 9. Последние главы «Истории» Геродота и вопрос о степени завершенности труда	271
Глава 10. Путь как принцип жизни и мысли (кое-что об основаниях географических представлений Геродота)	280
Глава 11. Историк в изменяющемся мире: эволюция образа Коринфа в труде Геродота	294
Глава 12. Геродот о древнегреческих законах	326
Глава 13. Геродот и Софокл, не заметившие друг друга? (к оценке одной недавней гипотезы)	336
Глава 14. Геродот и Филаиды	362
<i>Вместо заключения. Парадоксы «отца истории»:</i> Геродот — исследователь архаической и классической Греции	396

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Закон с родины Геродота и его исторический контекст	429
Приложение 2. «История» Геродота как источник для Аристотеля	443
Приложение 3. Сухопутные маршруты глазами «народа моря»: Геродот о некоторых трансконтинентальных путях	448
Приложение 4. Афинская демократия и устная историческая традиция	453
Приложение 5. Время и человеческая жизнь в древнегреческом менталитете и древнегреческой историографии: линия и цикл	458
Приложение 6. О темпоральных представлениях и категориях в Древней Греции полисной эпохи (методы, эмпирика, терминология)	462
<i>Список сокращений</i>	504

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении 2000-х гг. одной из приоритетных сфер интересов автора этих строк была история исторической науки, исторической мысли в классической Греции. Наша работа в русле данной темы шла по двум основным направлениям: анализ общих особенностей исторической памяти и исторического сознания в указанную эпоху и изучение различных проблем творчества «отца истории» Геродота. Плодом этой работы, в частности, стали практикум-хрестоматия по античной историографии (в соавторстве с А. В. Махлаюком)¹, научно-популярная книга о Геродоте, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей»².

Однако главным для нас всегда оставался не учебно-методический или популяризаторский, а собственно исследовательский компонент разработки названной тематики. Здесь немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что Российским гуманитарным научным фондом был в 2007—2009 гг. поддержан наш (совместный с С. Г. Карпюком) проект «Геродот и Фукидид: зарождение исторической науки в Древней Греции и специфика античного историзма» (07-01-00050а). Это позволило и побудило интенсифицировать изучение «геродотовских» сюжетов.

С течением времени стало ясным, что подготовленный нами ряд статей о древнегреческом историописании и Геродоте представляет собой не простую совокупность, а серию или цикл, поскольку обладает тематическим и концептуальным единством. Из этих статей и выросла настоящая монография.

* * *

Статьи, переработанные в главы книги, в большинстве своем на момент написания этих строк опубликованы в различных научных изданиях; в таких случаях в примечаниях указываются выходные данные первой публикации. Во все тексты вносились изменения и/или дополнения. В частности, в ряде случаев добавлены ссылки на литературу, которая на момент нашей работы над первоначальными вариантами текстов еще не существовала или не была нам доступна. Впрочем, мы никоим образом не стремились делать такое расширение справочного аппарата самоцелью.

Помещены тексты не в хронологическом порядке их написания, а в порядке тематическом. Поскольку, повторим, мы занимались пробле-

---

¹ Махлаюк А. В., Суриков И. Е. Античная историческая мысль и историография: Практикум-хрестоматия для студентов ист. фак. ун-тов. М., 2008.

² Суриков И. Е. Геродот. М., 2009.

мами древнегреческого историописания довольно долго, около десятилетия, вполне естественно, что наши точки зрения по тем или иным вопросам могли несколько меняться. Следы этого, разумеется, остались в книге, что может быть воспринято кем-либо из читателей как противоречие автора самому себе. Мы, однако, после долгих раздумий решились не сглаживать эти противоречия. В конце концов, эволюция взглядов ученого — совершенно нормальная вещь; полагаем, эти взгляды и впредь будут в каких-то отношениях меняться, из чего, наверное, все-таки не следует, что написанное ранее нужно *in toto* сдать в утиль.

Равным образом не стали мы «искоренять» и повторений, которые, очевидно, неизбежны в книге, созданной на основе цикла статей. Глубоко убеждены: когда важные вещи повторяются снова и снова, из этого не проистекает ничего, кроме пользы. Многолетний опыт преподавания в вузах твердо убедил нас в правоте известного принципа *repetitio est mater studiorum*.

И. Е. Суриков
Август 2010 г.

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить коллег — сотрудников Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. Они взяли на себя труд прочесть книгу в рукописи, на обсуждении высказали ряд ценных советов, предложений, замечаний. Многие из этих замечаний были нами учтены при дальнейшей работе над текстом; в то же время в каких-то случаях мы предпочли остаться при своем мнении. В любом случае, коллеги, разумеется, не несут никакой ответственности за недостатки, которые могут обнаружиться в книге: таковые следует относить всецело на счет автора.

Некоторые из очерков, вошедших в данную книгу, первоначально появились на страницах изданий, подготовленных Центром интеллектуальной истории ИВИ РАН (руководитель — Л. П. Репина), Центром истории исторического знания ИВИ РАН (руководитель — М. С. Бобкова), Центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире» ИВИ РАН (руководитель — Е. А. Мельникова). Мы благодарны руководству и сотрудникам этих подразделений института за неоднократно и любезно предоставляемую нам возможность участвовать в организованных ими научных мероприятиях. Всё это расширяло наш исследовательский «горизонт», помогало пытаться по-новому ставить и решать проблемы.

Отдельная благодарность — Ю. Н. Кузьмину, А. В. Мосолкину, А. А. Сеницыну, А. В. Махлаюку, А. В. Короленкову: они охотно и щедро помогали нам в поиске литературы.

Июнь 2011 г.

Часть I

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ

ГЛАВА 1

МНЕМОСИНА И АМНЕЗИЯ: ПАРАДОКСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ¹

HISTORIA VERSUS CHRONICA. «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!.. Все вы юны умом, ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени». Если верить Платону (Tim. 22b), так будто бы говорил египетский жрец, беседуя в начале VI в. до н. э. с Солоном — прославленным афинским мудрецом, прибывшим в ходе одного из своих путешествий в долину Нила. Конечно, Платон был великим фантазером, творцом грандиозных мифов (некоторые из этих мифов и по сей день властвуют над человечеством, как, например, миф об Атлантиде²), и вряд ли разговор между афинянином и египтянином, который он описывает, когда-либо имел место в действительности. Но дело здесь не в точной и скрупулезной передаче конкретных фактов, а в общем понимании ситуации, и в этой сфере Платон проявил удивительную проницательность, блестяще подметив различие в мировосприятии между греками и жителями Древнего Востока.

Действительно, хотя и несколько странно читать подобное применительно к цивилизации, в рамках которой, по общепринятому и справедливому мнению, возник сам феномен исторической науки³, тем не

---

¹ Сокращенный вариант этого текста (с измененным без согласования с автором заголовком) был опубликован: Суриков И. Е. Парадоксы исторической памяти в античной Греции // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 56—86.

² О мифологичности платоновского рассказа об Атлантиде в диалогах «Тимей» и «Критий» см. наиболее подробно: Панченко Д. В. Платон и Атлантида. М., 1990.

³ Не столь давно это хрестоматийное положение попытался оспорить исследователь из Латвии И. П. Вейнберг, противопоставив ему «полигенетический» взгляд на рождение исторической науки, тезис о возникновении ее «во многих местах, в том числе и на Ближнем Востоке» (Вейнберг И. П. Рождение истории:

менее надлежит помнить и о «другой стороне медали». Уже давно и с полным основанием отмечается, что древнегреческому менталитету в целом был присущ скорее «пространственный», чем «временной» модус, что влекло за собой отсутствие существенного интереса к процессам изменения, становления, преимущественную ориентацию на познание законченного и совершенного бытия, иными словами, выражало определенную «антиисторическую» тенденцию⁴.

Иными по сравнению с древневосточными цивилизациями (да, пожалуй, и с любым традиционным обществом) оказались в античной Греции и средства фиксации исторической памяти. В высшей степени характерно, что жанр *исторической хроники*, столь распространенный и на Древнем Востоке — от Египта до Китая, и в Риме (фасты, анналы)⁵, а впоследствии — в Византии, в Западной Европе, на Руси (летописи), греческому миру весьма долго оставался чужд. И это при том, что практика ежегодных записей в принципе была знакома грекам. В большинстве греческих полисов в практических (прежде всего календарных) целях составлялись списки следующих один за другим эпонимных магистратов (например, в Афинах — первых архонтов)⁶. Однако характерно, что никакой информации собственно исторического характера к их именам, насколько можно судить, не добавлялось⁷.

Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М., 1993. С. 316). Приведенный им в подкрепление этого тезиса обильный древневосточный (в основном ветхозаветный) материал свидетельствует, однако, о существовании в этом регионе традиции *историописания* (что само по себе, конечно, немаловажно), но не *исторической науки* в собственном смысле слова.

⁴ См., например: *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 214 (с некоторыми оговорками); *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 19 слл.; *Бычков В. В.* Эстетика поздней античности (II—III вв.). М., 1981. С. 22—23 (с литературой по проблеме); *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 36 слл. Возражения см.: *Шичалин Ю. А.* Античность — Европа — история. М., 1999. С. 137 слл.

⁵ Об анналистической традиции в Риме см.: *Бокцианин А. Г.* Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 23 слл.

⁶ Фрагменты афинского списка архонтов, высеченного на каменной плите в конце V в. до н. э., дошли до нас: *Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. 1964. Vol. 32. № 2. P. 187—208; *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 9—12.

⁷ *Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // *Symposion 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1975. S. 68.

Не случайно первые греческие историки (логографы, Геродот) при составлении своих произведений должны были ввиду отсутствия письменных хроник опираться почти исключительно на данные устной традиции в тех случаях, когда давность описываемых событий не позволяла «снять показания» с непосредственных свидетелей происшедшего. Жанр хроники стал органичным достоянием античной культуры лишь довольно поздно, в результате греко-восточного синтеза эпохи эллинизма⁸.

Древнегреческая цивилизация породила какую-то совершенно особую, ни на что не похожую форму историописания. Эллинский историк классической эпохи отнюдь не сродни своему древневосточному, византийскому или древнерусскому «коллеге». Он — не усердный хронист, скрупулезно заносающий в свою летопись событие за событием, «добру и злу внимая равнодушно». Он — *исследователь*. Кстати, и сам термин «история», вошедший из греческого во все европейские языки, изначально обозначал просто «исследование», а по сути дела — даже что-то вроде «расследования», «следствия». Ничего специфически исторического в нашем понимании он не подразумевал и мог применяться в равной степени и к материалу природного мира, а не только человеческого общества (достаточно вспомнить «Историю животных» Аристотеля или «Историю растений» Феофраста)⁹.

Древневосточный хронист описывает — древнегреческий историк ищет. Для хрониста мир, в том числе мир человеческого общества, — нечто раз навсегда данное, само собой разумеющееся. Ничего нового, удивительного в нем нет и быть не может. Все идет своим размеренным шагом: государства сталкиваются друг с другом, одни гибнут, другие возвышаются, власть переходит от одного владыки к другому... Никакой альтернативы, никакого представления о том, что могло бы быть иначе. Всё сухо, серьезно, монументально. И всё выливается в какую-то «дурную бесконечность». Соответственно, хроники приобретают черты определенной «аглоutinативности». Они сливаются друг с другом и вливаются друг в друга. Хронист, начиная свой труд «от сотворения мира», включает в него произведения своих предшественников. Хроника — в известной мере внеличный, не-авторский жанр. Зачастую она анонимна, иногда псевдонимна (так, некоторые древневосточные хроники составлены от имени царей, хотя понятно, что писали их не сами венценосцы, а их подчиненные-писцы).

⁸ Аверинцев С. С. Риторика и истоки... С. 44—45.

⁹ О специфике употребления термина «история» в Древней Греции см.: Тахо-Годи А. А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним // Вопросы классической филологии. Вып. 2. М., 1969. С. 107 слл.

А вот как, для сравнения, начинает свой труд «Генеалогии» (к сожалению, дошедший до нас лишь фрагментарно) автор, которого, пожалуй, с наибольшим основанием можно было бы назвать самым первым древнегреческим историком, — логограф Гекатей Милетский (рубеж VI—V вв. до н. э.): «Так говорит Гекатей Милетский: я пишу это так, как мне представляется истинным, ибо рассказы эллинов много различны и смехотворны, как мне кажется» (FGrHist. 1. F1).

Перед нами — хронологически первое в античной (и всей европейской) историографии теоретическое суждение общего характера, и оно дает чрезвычайно много для понимания специфики древнегреческого подхода к истории. Сразу бросаются в глаза несколько характерных моментов. Во-первых, ярко выраженное авторское, индивидуальное начало: уже в самой первой фразе своего труда историк горделиво ставит собственное имя¹⁰. Во-вторых, нацеленность не столько на изложение событий, сколько на поиск истины (причем вкупе с пониманием определенной субъективности самой истины: «...так, как *мне* представляется истинным», — пишет Гекатей, допуская, таким образом, что возможны и другие точки зрения). В-третьих, полемический и даже критический настрой по отношению к предшественникам (мифографам), стремление посмотреть на вещи по-новому. Для Гекатея нет ничего очевидного, само собой разумеющегося; всё приходится открывать, как будто в первый раз.

Все эти черты, столь отчетливо проявившиеся уже у самой «колыбели Клио», нашли полное воплощение и в дальнейшем развитии греческого историописания. Оно всегда оставалось авторским: среди эллинских историков мы не встретим анонимов¹¹ и почти не встретим псевдонимов¹². Далее, стремление к поиску истины и связанная

---

¹⁰ Индивидуальное начало как проявление пресловутого «агонального духа» вообще чрезвычайно сильно во всех сферах древнегреческой культуры, начиная с эпохи архаики. Даже вазописцы часто ставили свои имена на расписанных ими глиняных сосудах. Или вспомним другой, в чем-то курьезный случай: греческие солдаты-наемники на египетской службе, оставившие в начале VI в. до н. э. свои «автографы» на ноге колоссальной статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле (текст надписи см.: *Meiggs R., Lewis D. Op. cit. P. 12—13*).

¹¹ А если и встретим — то только по причине плохой сохранности их трудов. Так, знаменитый «Оксиринхский историк» начала IV в. до н. э. для нас анонимен — но именно для нас: его труд, безусловно, был подписан именем автора, но просто до нашего времени оно не дошло.

¹² Исключения, конечно, были. Ксенофонт издал «Анабасис» под псевдонимом, но сделал это не из принципиального желания скрыть свое авторство, а по вполне конкретным причинам, из стремления подчеркнуть объективность повествования (ведь он сам выступал в этом трактате в качестве одного из дей-

с этим критика предшественников всегда оставались типичнейшими признаками их трудов. Такой принципиально исследовательский подход давал о себе знать даже тогда, когда жанровая специфика требовала скорее «хроничности».

Поясним последний тезис следующим примером. В Афинах позднеклассической эпохи получил широкое распространение жанр так называемой аттидографии; стали появляться труды по локальной истории афинского полиса, носившие одинаковое название «Аттида» (от «Аттика»). Казалось бы, этот жанр — изложение событий, происходивших в одном конкретном городе-государстве от легендарной древности до времени жизни автора, — в наибольшей степени предполагал именно историческую хронику. Собственно, многие современные исследователи так и называют «Аттиды» «хрониками»¹³. И тем не менее даже произведения аттидографов (Клидема, Андротиона, Фанодема, Филохора и др.), насколько мы можем судить о них по дошедшим фрагментам, отнюдь не походили на хроники Древнего Востока. Эти историки, как и все их древнегреческие коллеги, опять же не столько излагали и описывали, сколько искали и расследовали. Важное место в «Аттидах» занимала полемика их авторов друг с другом. Собственно, потому и появлялось так много сочинений аттидографического жанра, что в каждом из этих сочинений выдвигалась какая-то новая точка зрения и опровергались предыдущие¹⁴.

В конце V в. до н. э. в греческом мире впервые появился интерес к проблемам хронологии (Гиппий Элидский, Гелланик Лесбосский). Однако характерно, что и хронологические выкладки в это время использовались историками не для составления хроник, а в других целях — для синхронизации событий, происходивших в различных полисах (поскольку каждый из этих полисов пользовался собственным календарем и собственным летосчислением, такая синхронизация становилась всё более насущной для воссоздания общей картины)¹⁵,

---

ствующих лиц). Другие свои труды Ксенофонт, естественно, подписывал собственным именем.

¹³ Важнейшие труды об аттидографии: *Jacoby F. Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxf., 1949; *Idem. Die Fragmente der griechischen Historiker*. Teil 3b. A Commentary on the Ancient Historians of Athens. Vol. 1—2. Leiden, 1954; *Pearson L. The Local Historians of Attica*. Repr.ed. Ann Arbor, 1981.

¹⁴ Полемика аттидографов друг с другом по ряду конкретных сюжетов хорошо освещена в работе: *Schreiner J. H. Aristotle and Perikles: A Study in Historiography*. Oslo, 1968.

¹⁵ Синхронизация осуществлялась путем «привязки» этих событий к определенным реперам общегреческого значения (смене жрецов и жриц в автори-

и для более точного установления тех или иных спорных датировок, что, кстати, в конечном счете опять же выливалось в ожесточенную полемику между авторами, работавшими в историческом жанре.

Небезынтересно задуматься над тем, как и почему на древнегреческой почве на рубеже эпох архаики и классики появился абсолютно новый, уникальный, ранее нигде и никогда не встречавшийся тип исторической культуры — культуры, ориентированной не на простое изложение событий, а на расследование и изыскание (прежде всего на поиск причин происходящего¹⁶), являющейся одновременно субъектом и объектом сознательной рефлексии. Чтобы лучше понять путь развития мысли, сделавший возможным подобные результаты, необходимо обратиться к контексту того процесса, который часто называют «рождением Клио», то есть возникновением истории как особой отрасли знания.

От пророка — к историку. Обычно в первых древнегреческих исторических трудах, созданных в VI—V вв. до н. э., видят проявление нарастающего и достигающего апогея рационализма, являющегося, по общему убеждению, едва ли не наиболее характерным признаком древнегреческого стиля мышления, древнегреческой культуры¹⁷. «Рождение истории» считается одним из этапов судьбоносного для формирования европейского мироощущения пути «от мифа к логосу»¹⁸, проделанного греками, пути, на котором в рамках примерно того

тетных святилищах, периодически повторявшимся панэллинским спортивным играм и т. п.). Впоследствии на базе этих синхронизаций выросло получившее широкое распространение среди историков летоисчисление по Олимпиадам.

¹⁶ Показательно, что оба самых ранних дошедших до нас исторических труда — сочинения Геродота и Фукидида — начинаются с рассуждений об истинных причинах войн, которые в этих трудах рассматриваются (соответственно Греко-персидских войн и Пелопоннесской войны). См.: *Sealey R. Thucydides, Herodotus, and the Causes of War // CIQ. 1957. Vol. 7. № 1/2. P. 1—12.* Хронист же, в отличие от историка-исследователя, совершенно не обязан вдаваться в область причин.

¹⁷ См., однако, важные замечания о том, что не следует напрямую отождествлять этот античный рационализм с более привычным для нас рационализмом Нового времени: *Murray O. Cities of Reason // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 1—25; Аверинцев С. С. Риторика и истоки... С. 329—346.* Специально применительно к древнегреческим историкам об издержках чрезмерно «рационализирующего» подхода см.: *Суриков И. Е. Лунный лик Клио: элементы иррационального в концепциях первых европейских историков // Проблемы исторического познания. М., 2002. С. 223—235.*

¹⁸ Одна из самых популярных формул в среде специалистов, занимающихся становлением античной культуры. Нередко эта формула находит отражение в заголовках исследований, например: *Nestle W. Vom Mythos zum Logos: Die Selbstenfaltung des griechischen Denkens von Homer bis auf die Sophist und*

же хронологического отрезка, разве что чуть раньше, возникла также и философия, предпринявшая первые попытки объяснить мироздание с позиций не традиционных представлений, а разума и логики.

Однако существует и иная, значительно менее известная у нас концепция происхождения философии и науки в античной Элладе. В наиболее полной форме эту концепцию развернул в своих работах выдающийся исследователь древнегреческого менталитета Ф. Корнфорд¹⁹. По его мнению, у истока названных феноменов стоит не рационалист-эмпирик, как традиционно считается, а значительно более экзотическая фигура, имеющая прямое отношение к религии, — пророк-поэт (в чем-то схожий с кельтским друидом или сибирским шаманом), получающий свое априорное (можно сказать, даже магическое) знание не посредством анализа фактов, а через откровение, получаемое от сверхъестественных сил. Религиозных деятелей такого типа было немало в архаической Греции (Аристей, Гермотим, Абарис, Эпименид и др.)²⁰; кстати, во многом типологически близок к ним Пифагор, который, судя по всему, первым ввел в греческую и мировую культуры термины «философия» и «философ» (Diog. Laert. I. 12).

Что можно сказать в данной связи о возникновении исторической науки? Не лежат ли ее корни также в религиозной сфере? Историка в чем-то можно назвать «пророком наоборот», который пророчествует не о будущем, а о прошлом. Это звучит парадоксом, однако древние греки вполне допускали подобную постановку вопроса, подобный тип пророчествования. Уже в первых строках самого раннего произведения античной литературы — гомеровой Илиады — появляется образ прорицателя Калханта. «Мудрый, ведал он всё, что минуло (курсив наш. — И. С.), что есть и что будет», — говорит о нем Гомер (II. I. 70).

Sokrates. 2 Aufl. Aalen, 1966; *Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу (Становление греческой философии). М., 1972. Из работ, в которых присутствует именно такой, «рационалистический» взгляд на формирование историописания у древних греков, см.: *Немировский А. И.* У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979; *Он же.* Рождение Клио. Воронеж, 1986; *Фролов Э. Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 82 слл.

¹⁹ *Cornford F. M.* Principium sapientiae: The Origins of Greek Philosophical Thought. Cambridge, 1952; *Idem.* From Religion to Philosophy: A Study in the Origins of Western Speculation. N. Y., 1957.

²⁰ О них см.: *Доддс Э. Р.* Греки и иррациональное. СПб., 2000. С. 199 слл. Справедливости ради отметим, что напрямую называть их «греческими шаманами», как зачастую делается, всё-таки не вполне корректно (ср.: *Жмудь Л. Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагорействе. СПб., 1994. С. 121 слл.). Сибирский шаманизм представляет собой комплекс вполне конкретных, четко очерченных религиозно-магических практик, хотя и стадияльно близких, но отнюдь не тождественных соответствующим явлениям в Греции.

Таким образом, пристальный взгляд не только в будущее, но и в прошлое, открытие причин происходящих событий — всё это тоже входило в компетенцию прорицателя (ср. Arist. Rhet. 1418a21—25). Более того, были пророки, которые специализировались именно на прошлом. Одним из них являлся живший на рубеже VII—VI вв. до н. э. Эпименид Критский, прославившийся как раз тем, что «предсказывал» прошлое, то есть умел истолковать, из-за чего на полис обрушились те или иные беды, и рекомендовать соответствующие средства выхода из положения²¹. Небезынтересно в контексте настоящей работы, что Эпименид, по данным античной традиции, был автором нескольких если не исторических в собственном смысле слова, то, во всяком случае, «протоисторических» трудов («Критские события», «Родословие куретов и корибантов» и др.). Его можно назвать одним из непосредственных предшественников первых историков-логографов.

В сущности, в понимании греков архаической и классической эпох историк был «коллегой» поэта. Известен каждому тот хрестоматийный факт, что история считалась находящейся под покровительством «собственной» музы (Клио), подобно эпосу и лирике, трагедии и комедии. Однако далеко не всегда мы в должной мере задумываемся над импликациями этого факта. А ведь это только для нас музы — не более чем красивый образ. В греческом мире они, как и любые другие божества, воспринимались не как метафора и даже не как предмет индивидуальной веры, а как непосредственно данная объективная реальность²². Музы — дочери Зевса и богини памяти Мнемосины (обратим внимание на последнее, отнюдь не случайное обстоятельство) — властно овладевали человеком, приводили его в состояние неистовства (*mania*). Именно в этом смысле поэт (а стало быть, и ранний историк) в архаической Греции, как и во многих традиционных обществах, уравнивался с пророком.

Платон в диалоге «Федр» (244a sqq.), подробно рассуждая о священном неистовстве, одержимости, насылаемой богами, выделяет несколько видов такого состояния. Один из этих видов — пророческое

---

²¹ О колоритной фигуре Эпименида написано немало. Последняя по времени работа: *Зайков А. В.* Эпименид в Спарте (Критская экстагическая мантика и становление «спартанского космоса») // ВДИ. 2002. № 4. С. 110—130. Нет оснований сомневаться в историчности Эпименида и считать его легендарным персонажем (см.: *Суриков И. Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 36—37, с указаниями на литературу).

²² Ср.: *Snell B.* The Discovery of the Mind: The Greek Origins of European Thought. N. Y., 1960. P. 24; *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002. С. 37.

неистовство, позволяющее прозревать грядущее. Другой вид — поэтическое неистовство, источник которого — музы. Этот вид одержимости, по словам философа, «охватывает нежную и непорочную душу, пробуждает ее, заставляет выражать вакхический восторг в песнопениях и других видах творчества и, украшая несчетное множество деяний предков, воспитывает потомков (курсив наш. — И. С.)». Последние слова сказаны как будто специально об историках²³.

Музы — божества «мыслящие», «знающие» по преимуществу. В «Теогонии» Гесиода они так говорят о себе:

Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду.

Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем.

(Hes. Theog. 27—28)

Они, таким образом, могут вводить людей в заблуждение. Отнюдь не случайно, что, насколько можно судить, все без исключения античные эпические поэты, будь то Гомер, Гесиод или даже несравненно более поздние Вергилий или Нонн (хотя для последних, конечно, это стало уже скорее литературным штампом), начинают свои поэмы именно призывом к музе или музам, стремясь снискать их благоволение и получить от них правдивую информацию. Гекатей и Геродот, не говоря о Фукидиде, уже не взывают к богиням творческого вдохновения, предпочитая вместо этого начинать свои труды демонстративным заявлением собственного авторства. И тем не менее, как известно, девять книг «Истории» Геродота названы именами девяти муз. Даже вне зависимости от того, сделал ли это сам историк или же эллинистические систематизаторы его наследия, данный факт в высшей степени символичен как рудиментарное отражение прежнего положения вещей.

Вряд ли необходимо специально останавливаться на том, сколь многим древнегреческое историописание в целом обязано эпосу, в сколь большой степени первые историки основывались на нем и даже подражали ему. Об этом уже неоднократно говорилось в исследовательской литературе. Ф. Артог пишет: «Геродот хотел соперничать с Гомером и, завершив “Историю”, стал Геродотом... Геродот черпал силу или дерзость для того, чтобы начать, в эпосе»²⁴. Мы, со своей стороны, добавим, что первую на греческой почве (и вообще первую в Европе) концепцию исторического развития мы встречаем значительно

---

²³ Не забудем, что и Аристотель (Poet. 1451b5 sqq.) рассматривал историю и поэзию как явления одного порядка, различные, но вполне сопоставимые. Ср.: *Kitto H. D. F. Greek Tragedy: A Literary Study*. 3 ed. L., 1966. P. 36.

²⁴ *Артог Ф.* Первые историки Греции: историчность и история // ВДИ. 1999. № 1. С. 178.

раньше, чем появились первые историки в собственном смысле слова, а именно у вышеупомянутого эпика Гесиода, на рубеже VIII—VII вв. до н. э. Это знаменитое учение о сменяющих друг друга «веках» или «поколениях» людей — золотом, серебряном, медном, героическом и современном поэту железном (Hes. Opp. 109 sq.). При этом Гесиод, концептуально повествуя о прошлом и фактически выступая в роли первого «протоисторика», понимает свою миссию как пророческую. Он абсолютно убежден, что музы поведали ему чистую правду. Они

...дар мне божественных песен вдохнули,
Чтоб воспевал я в тех песнях, что было и что еще будет.

(Hes. Theog. 31—33. Курсив наш. — И. С.)

Сразу припоминаются цитированные выше слова Гомера о Калханте. Для того, чтобы рассказать истину о прошлом, точно так же нужен пророческий дар, как и для того, чтобы приоткрыть завесу над будущим.

Говоря о древнегреческом историке как наследнике экзальтированного поэта-пророка, во избежание возможных недоразумений следует специально подчеркнуть, что необходимо строго отделять друг от друга вопрос этиологии феномена и вопрос его актуальной функции. Естественно, к моменту появления в культурной жизни Эллады, на исходе VI в. до н. э., логографов²⁵ — первых историков в собственном смысле слова — «историческая функция» была уже в значительной мере десакрализованной. Помимо прочего, это выражалось в том, что логографы писали уже не стихами, а прозой, что само по себе демонстрирует более «секуляризованный» характер их произведений.

И еще одну промежуточную фигуру, стоящую на пути «от пророка к историку», следует указать. Это — мифограф-генеалог. Первые авторы этого жанра (Ферекид Сиросский, Феаген Регийский), писавшие уже прозой (насколько можно судить, именно они стали самыми ранними греческими прозаиками)²⁶, появились в Элладе в VI в. до н. э. Здесь мы выходим на весьма важную проблему, связанную с ролью генеалогий в исторической памяти — ролью, которую в отношении античной Греции трудно переоценить²⁷. Для древнегреческих авто-

²⁵ Пользуемся этим термином, поскольку он является общепринятым; но в одной из следующих глав будет разъяснено, что он не вполне корректен.

²⁶ Об общем историко-культурном значении возникновения прозы в Греции в VI в. до н. э. см.: Шичалин Ю. А. *Επιτομή*, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994. С. 37 слл.

²⁷ Нам уже приходилось затрагивать данный сюжет. См.: Суриков И. Е. Место аристократических родословных в общественно-политической жизни